

Сон в руку

Серия "Сказки для тётек".

A romantic couple is shown in silhouette, embracing and kissing under a glowing umbrella. They are standing on a reflective surface, possibly water, which creates a clear reflection of them. The background is a dark, dreamlike sky filled with a dense, golden rain of light particles, giving the scene a magical and ethereal atmosphere. The overall color palette is dominated by warm, golden-yellow and dark brown tones.

Ирина Юсупова

Ирина Юсупова

Сон в руку

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Юсупова И. Н.

Сон в руку / И. Н. Юсупова — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Галя – жена богатого мужчины. Казалось бы, все ее проблемы – это вызвать повара, уборщицу, позвонить в чистку или прачечную, чтобы приехали за вещами. Ну, и ухаживать за собой, любимой! Однако, в ее квартире творятся такие совершенно необъяснимые вещи, что нужно либо поверить в полтергейст и посланцев других миров, или подумать о собственном сумасшествии...

– Иди к черту... – вяло сказала она Сну. – Убирайся, слышишь?

Потом повернулась на другой бок, но Сон не хотел убираться ни к черту, ни к кому-либо вообще. Он, подчиняясь всем нормальным не сонным законам оптики, отразился в зеркале шкафа-купе, и стоял, прислонившись к стене между пальмой и ее новой гравюрой, скрестив руки на груди.

– И откуда ты взялся на мою голову? – все еще вяло пробормотала она. – Ты Фрейда читал? Тебя просто не должно быть вообще. Ты – просто Сон. Но лучше, если и во сне тебя не будет. А поэтому немедленно убирайся к черту вместе со своими чудными глазками...

Сон по-прежнему стоял, молча и задумчиво смотря то на ее маленькую розовую пятку, выскользнувшую из-под одеяла, то на легкомысленные кружавчики, которые вроде бы должны были прикрывать грудь, и представлял собой здорового дылда лет двадцати пяти, в котором если что и было хорошего, так это, действительно, глаза. Эдакие бархатные. Большие, темные они были обрамлены длинными и пушистыми ресницами так, что даже не блестели и ничего не отражали. А потому и казалось – бархат...

– Все. Я уже встаю, – она зажмурилась и начала тянуться. Сладко, с постаныванием и перекачиванием по всей огромной кровати, какие в народе иначе как "траходромами" не называют. Вдоволь потянувшись и окончательно при этом проснувшись, она открыла глаза. Сна, конечно же, уже не было.

– Трус, – сказала она, вздохнув. – Жалкий и подлый. Только бы тебе сниться! А наяву? Слабо?

Она уже давно разговаривала сама с собой и не знала – бояться этого или пока подождать? Да и с кем разговаривать-то? Со Сном что ли? Так ведь он исчезает, стоит только действительно проснуться...

Как же она сначала его испугалась! Мамочки дорогие... А вы бы не испугались? Протыпаешься – а тут мужик незнакомый в ее розовой спальне стоит паяниться! И не важно, что глазки, которыми он паянится, хороши до невозможности, и что вроде бы просто стоит, ничего не делает. Сам факт. Нет, вы представьте как следует! На входе в дом вооруженная охрана, три видеокамеры на пути от лифта до двери, сама дверь – фантастическое чудо металлургии вкупе с полетом чьего-то электронного гения, стекла в окнах – противоядеровзрывные, да еще обвешанные разными датчиками последнего японского происхождения. Представили?

И мужик в спальне.

Орала она тогда как резанная. Зажмурившись, во всю силу молодых и не испорченных еще никотином легких, отчаянно и с каким-то мазохистским самозабвением. Тело было как пружина и ждало либо пули, либо холодного ножика в бок. Именно холод этого воображаемого ножика возмутил ее тогда до глубины души – она вся такая мяконькая и тепленькая после сна, а тут холодный, да нет – прямо-таки ледяной ножик! Как следует оторавшись, и почувствовав, что воздух в легких уже кончился, она открыла глаза. Никакого мужика в спальне не было.

Она набрала воздуха побольше и поорала еще немного, но уже с открытыми глазами. Потом, взяв с тумбочки тяжеленную розово-лиловую статуэтку в стиле модерн, изображавшую не то гриб, не то... сами догадайтесь что!... с твердым намерением продать свою жизнь дешево, отправилась по квартире. Никого и ничего. Чушь какая-то.

– Так. Сколько я вчера выпила? – принялась она тогда беседовать с собой. – Да, в общем, и не так уж много! Правда, мешанина полная. Но ведь я молодая! – она с вызовом посмотрела на свое отражение в зеркале и убедилась, что так оно и есть – не только молодая, но и цветущая, здоровая, очень даже симпатичная, хоть и растрепанная со сна девушка.

– Нет, дело не в этом...

Немного подумав и еще немного поговорив то с собой, то со своим отражением, она все поняла и успокоилась. Она есть кто? Она – жаворонок чистой воды. А кого из нее сделала жизнь? Правильно. Сову. Причем, махровую такую совицу, крутую и матерую. Бедный жаво-

роночек по утрам иногда хочет ей напомнить, что сова – это вульгарно, пошло и неправильно! Трепыхается, кроха, в ее сознании, будит, зовет посмотреть на восход солнца, на утреннюю росу! И пребывает она по утрам в какой-то не то дреме, не то истоме... Организм борется, отвоевывает положенное ему время для сна, а жаворонок будит. Ну, и спрашивается, кто же после всего этого может снится? Хорошо, хоть не Крюгер какой-нибудь.

А через день мужик приснился опять. Орать она уже, правда, не стала, но вместо просто душа пришлось потом вымыться основательно – вся покрылась холодным и липким потом. Уж очень он натурально снился, мужик этот, черт бы его побрал! Станный такой мужик, раскрашенный как-то совершенно неправдоподобно. Волосы почти светлые – то ли красится, то ли выгорели, брови потемнее – русые, а глаза... Глазоньки...

Ладно, глаза глазами, но с этим надо было что-то делать. Вечером она все честно рассказала Игорю, и он, конечно же, встревожился. На охране просмотрели все видеозаписи, потом в доме появилась ну, если и не рота, так уж точно целый взвод электронщиков со своей навороченной аппаратурой – проверяли работоспособность систем, начинявших их квартиру как яблоки рождественского гуся. Все было более чем в норме, и более чем работоспособно. Да и могло ли быть иначе? Игорь не умел приобретать дешевые и некачественные вещи. После ухода всей этой братии он, посадив ее напротив и глядя в глаза, спросил:

– Может, это просто твой бывший знакомый? Поэтому и снится так натурально.

– Игорь... – она тоже смотрела ему в глаза. – Мне нечего скрывать. Ты мой первый и единственный мужчина. И даже ПРОСТО ЗНАКОМЫХ у меня никогда таких не было. А то, что мы сейчас... так ведь... – тут она опустила глаза, и он сразу же перебил ее:

– Ладно, вот что... Завтра сходишь к одному... врачу. И только не надо играть Вселенское Несчастье! – повысил он голос. Потом добавил уже мягче: – Просто поговорите, пообщаетесь. Он замечательный собеседник и хороший человек, тебе понравится.

– А ты откуда знаешь? – спросила она тогда удивленно. Ты что, тоже с ним... беседовал?

Теперь Игорь опустил глаза, но быстро опять поднял их. Смотрел, как и всегда, чуть насмешливо, снисходительно. Оно и понятно – он старше ее намного, да и знает, как облупленную.

Да... Игоря ей обмануть так ни разу и не удалось. Он видел ее насквозь и «на три метра вперед» – угадывал все ее выходы заранее. Уж слишком он был проницателен и умен, видно потому и достиг столького в жизни. Хотя... он был не один такой, все его окружение тоже не страдало отсутствием знания людей и проницательности. Только вот с этим окружением она вытворяла все, что только не приходило в ее хорошенькую пепельную головку, Игорь, тихонько отходя на задний план, посмеивался и делал вид, что ничего не замечает, а она играла с людьми, как с куклами. Пропадала великая актриса, ох, пропадала!

А началось это так давно, что и не вспомнить когда, может, она уже родилась готовой актрисой? Она играла со всеми по-своему, каким-то особым чутьем улавливая, что нужно ее собеседнику.

Вот взять хотя бы бабушку, царство ей небесное... Кто она была для бабушки? Ангел. Невозможный в наше время ребенок. Нежное чудо с мелодичным голосом, скромница, тургеневская барышня. Она с приоткрытым ртом и расширенными глазами слушала бабушкины выученные уже наизусть истории о молодости, где надо делала глаза влажными (тоже ведь немалое умение!), где надо смеялась, а где – краснела (да, да, и краснеть тоже умела!). Первым вопросом, когда она приходила к ней, был, конечно же: "Что надо сделать?". Бабушка умилялась, бабушка всхлипывала, дело, конечно же, находилось, но какое-нибудь пустяковое, и говорить-то не стоит! И стоит ли вспоминать, что не забывала позвонить в праздники, а если приходила в гости, то не с пустыми руками – всегда что-то сладенькое старушке несла, и не так уж важно что, главное – внимание. А самое главное – все были счастливы: бабушка – потому,

что из трех ее внучек хоть одна по ее мнению получилась «достойной», родители – потому, что бабушка была рада, она сама – потому что так хорошо удавалась роль. Да и в итоге двухкомнатная квартира после смерти бабушки оказалась оформленной на ее имя, вот так-то!

А двоюродный дядя, кем она была для него? Барышня? Как же... Почти пацан, сорви-голова, девчонка-оторва. Почему? Потому что понимала, что дядька страшно страдает из-за своей бездетности, и что за сына отдал бы полжизни! Ну, и почему, спрашивается, не подыгрывать? И подыгрывала, да еще как!

Дядька вел кружок парашютистов в аэроклубе, и она, конечно же, была самым отчаянным парашютистом. Хотя, если честно, парашют этот она видела в гробу и в белых тапочках! Когда прыгала первый раз – описалась! Самым натуральным и позорным образом. И наверно, потерять бы ей навсегда уважение в дядькиных глазах, если бы не дождь. Спасительный ливень, взявшийся не пойми откуда среди ясного дня, промочил ее насквозь, и еще она для большей надежности поёрзала попой в комбинезоне по земле (ну, упал человек, ведь первый же раз!),

так что никто из подбежавших потом к ней людей никогда ни о чем и не догадался... Дядька стал звать ее тогда "мой Галыч" и начал учить водить машину. И опять все были счастливы: дядька – тому, что имеет, пусть не совсем своего и совсем не сына, ... но зато какого! Родители, опять же, оттого, что дядя, говоря с ними, все разговоры сводил к восторгам об их дочери, она сама... да, опять потому, что роль так удается!

Один раз она, правда, здорово расстроилась, почти в депрессию впала и это в шестом-то классе! Моэма прочитала, "Театр". Оказывается, все это уже было, и не она первая, и может это вообще болезнь какая, про которую так здорово рассказал великий писатель? Потом она хорошенечко подумала и с депрессией решила повременить. Ведь она не актриса, и быть ею не собирается. Да и играет она не роли из спектаклей, а саму жизнь. И зачем тогда, спрашивается, превращать жизнь в профессию? И кому, наконец, было от ее игры плохо? Двум другим внучкам бабушки, которым в наследство достался шиш с маслом? Так сами виноваты. Не дерзить надо было, не смеяться над старым человеком, не забывать на года, что есть, вообще-то, у старушки телефон! Да и разделила же она, в конце концов, между ними "на память" все бабушкино очень, кстати, недешевое золотишко. Золото, оно что? Дело наживное... Зато как "наигралась" в благородную двоюродную сестру, да так натурально, аж сама прослезилась! Да и благодарные родственники в наше время всегда могут пригодиться. Или дядькиной бывшей жене, которая бросила его и вышла замуж за другого, потому что хотела иметь своих детей, а не приемных? Ей он не оставил ничего, когда все-таки грохнулся и погиб из-за нераскрывшегося парашюта, хоть и любил до последнего... А вот почти новая "Ауди", новейшая стереосистема и вообще все имущество оказались по завещанию опять-таки ее! Наверно, была бы квартира – и ее бы оставил, но дядька после развода жил у какого-то друга, надолго уехавшего за границу.

А родители? Ну, про них особый разговор... Они были у нее какие-то рафинированные интеллигенты-неумехи. Нет, умели и знали они, конечно, многое, но вот приспособить эти свои знания к современной жизни почему-то оказались совершенно не в состоянии. Мама – умница, свободно говорящая по-английски и по-немецки, превосходно знающая и любящая немецкую классику, работала всего лишь учителем в самой обычной школе и перебивалась случайными заработками и переводами. А отец, просто прирожденный математик-виртуоз, прекрасно владеющий компьютером, от звонка до звонка сидел за гроши в каком-то НИИ, да только и зарабатывал, что репетиторством. И, тем не менее, она и им всегда подыгрывала. Зубрила немецкий и английский, и хотя проходила в душе хорошим трехэтажным матерком по поводу этих занятий, но успокаивала себя тем, что в жизни все пригодится! ...да и мама так славно улыбалась и молодела на глазах, когда дочь, словно забывшись (вот ведь умора-то!), переходила с ней на этот чертов гавкающий язык великого Гёте! Приходила иногда к отцу с какой-нибудь факультативной задачей и играла при этом фанатичную математичку, у которой

единственное счастье в жизни – решить эту самую идиотскую задачу. Ладно, что же не поиграть и не порадовать родного человека, да и задача тоже может пригодиться.

А вот с Игорем вышел полный провал, может, поэтому она в него так тогда влюбилась? ...Они познакомились на выпускном.

Он, оказывается, тоже учился в их школе, но тринадцатью годами раньше, а на выпускной пришел по приглашению их бывшей классной – это был ее последний год, она уходила на пенсию.

...К выпускному она начала готовиться чуть ли не за год, потому что хотела во всю силу своего таланта попробовать роль Королевы Бала. А что главное для королевы? Правильно, платье. Нет, конечно, и без платья она бы справилась с этой ролью вполне успешно – она всегда была в центре внимания, друзья тянулись к ней, зная, что всегда найдут понимание и искреннее (ох, знали бы правду!) сочувствие. Но платье хотелось такое, чтобы запомнилось всем и навсегда. Потрясти родителей и купить безумно дорогую эксклюзивную салонную шмотку? А где гарантии, что точно в такой же не придет Людка из "Б"? Сшить? Ателье отпадает, у них там фантазии ограничиваются набором все тех же эксклюзивных салонных картинок, своей портнихи нет, а у самой, хоть руки и ничего, растут откуда надо, но нет ни хорошей машинки, ни особого дизайнерского дара... Что же придумать?

Мысль пришла неожиданно, когда она после ванной голышом стояла у зеркала и задумчиво прикидывала, какой же все-таки фасон для нее самый выигрышный? Она тогда сняла с головы полотенце и ее длинные пепельные, пышные и чуть волнистые волосы закрыли ее почти до колен. Вот тут-то решение и пришло. "Ну, я и дура... Платье... фасон... материал... Вот мое королевское платье! Главное – правильно их преподнести, тогда будет абсолютно не важно, что надето на мне самой!" Надо сказать, что волосы она никогда не распускала. Во-первых, неудобно – мешают и лезут во все. А во-вторых, нечего часто баловать всех лицеизрением такой неземной красоты! Хорошенького – понемножку, и поэтому укладывала она их всегда в тяжелый пучок сзади, а выбивавшиеся вокруг лица волнистые пряди даже иногда создавали иллюзию стрижки.

Дальше все было просто, мысль заработала в нужном направлении, оставалось только воплотить в жизнь некоторые технические нюансы. Был куплен большой пакет с серебряными блестками в виде звездочек, в которые она вдела ниточки. Платье же она сшила сама, и самое обычное – темно-серое, чуть серебристое, облегающее длинное и узкое.

...И вот ее звездный, прямо-таки в буквальном смысле этого слова, час настал... Она гордо вышагивает в старых (да кто заметит?), но зато удобных босоножках, серое платье под цвет глаз, а на плечах... Боже ж ты мой!... До школы недалеко, но, кажется, вся Москва собралась посмотреть на ее королевскую мантию! Волосы, чистые и чуть подкрученные, закрывали ее сверкающим водопадом (вся семья с утра трудилась, вплетая в ее гриву звездочки!). Если честно, то и без звездочек они были хороши до жути, поэтому и не стригла она их никогда. Пепельно-платиновые, блестящие, воздушные и волнистые, словно живые... Разве поднимется рука на такое?

...Вот такой сияющей королевой и увидел ее Игорь впервые.

Он выходил из своей машины, припаркованной рядом со школой, а она, уже вся в окружении восторженных одноклассников подходила к школе с другой стороны.

Она вначале увидела в нем немного – быстрый острый взгляд, мягкая походка ночного хищника родом из кошачьих, дорожный костюм, а уж машина! "Чей же это родственник? – подумалось тогда, – У наших, вроде, таких богатеньких нет..."

Потом, на время, она потеряла его из виду – торжественная суeta вручения дипломов, веселые и грустные сюрпризы, преподнесенные им учителями, и, конечно, от них самих сценки и песни, которые они на скорую руку, после экзаменов, подготовили на прощание...

Потом все почти ревели – так торжественно и душещипательно провожали на пенсию их, вообще-то мымру, но все же довольно неплохую училку по истории... Опять цветы, подарки, стихи...

А потом на сцену поднялся он. Очень к месту и очень остроумно рассказал пару эпизодов из их бывшей школьной жизни, конечно же, связанных с историчкой. Потом подарил какой-то безумно дорогой компьютер школе, такой же безумно дорогой "Роллекс" историчке, которая тут же закудаhtала, запричитала, заотказывалась, но потом, со слезами на глазах, конечно же, взяла. А потом, когда все пошли к столам, так заботливо подготовленным для них родителями, ребята из класса делегировали ее и Гошика пригласить историчку к их столу. Та стояла и о чем-то оживленно беседовала с Игорем.

– Галочка, Георгий, вот познакомьтесь, мой бывший ученик, Игорь. Сейчас очень большой человек... в нефтяном бизнесе, я верно поняла, Игорь? – она сияла, как свой новый "Роллекс" уже нацепленный на руку. Игорь улыбнулся и кивнул. – Не забывают меня ученики... – тут она всхлипнула. – Ах, дети, дети...

– Ой, Валентина Николаевна! Да разве ж вас можно забыть! – огромные глаза, смущение с легким румянцем от знакомства – все крупным планом! – ...Я вот, например, ваши уроки до конца жизни помнить буду, правда!

Историчка еще быстрее захлопала влажными глазами, а вот Игорь ей не поверил. Уж это-то она поняла сразу. Усмехнулся одними уголками губ, быстро полоснул умными и насмешливыми глазами. Но вслух, подыгрывая ей, сказал:

– Да, ... мы тоже с ребятами вас частенько вспоминаем... Я даже до сих пор люблю исторические фильмы смотреть, помните, как вы нас в кино водили?

– Ах, дети... – только и смогла прохрюкать, сморкаясь в платок, историчка...

Ну и потом, как-то незаметно и естественно, Игорь откололся от своей компании бывших однокашников и так же незаметно и так же естественно все чаще и чаще стал приглашать на танцы ее.

Ох, как же она старалась понять, что он за фрукт такой и что же все-таки ему хотелось бы увидеть в ней! То скромницу пробовала, то эдакую девчонку-вамп, то простушку, то лисоньку! Тщетно. Игорь посмеивался, видел ее насквозь, но все же, видно, и сам увлекался все больше и больше.

И когда все поехали на автобусах на Ленинские горы, он вдруг предложил поехать на его машине, сказав при этом негромко и вкрадчиво, что для ее пепельно-серебристой гривы только такое же пепельно-серебристое авто, как у него, будет достойным обрамлением. Она заколебалась – и предложение было интересным и страшновато немного – кто его знает, этого Игоря? Но он тут же, усмехнувшись от прочитанных на ее лице мыслей, добавил:

– Да и троих друзей можете пригласить, я один в машине.

– А четверых можно? – тут же нахально попросила она. – Мы худенькие!

Он улыбнулся и кивнул, хотя это стоило ему потом трех зеленых бумажек, волшебного растворившихся в руках гаишников, останавливавших их.

И, конечно, потом он везде был рядом с ней, да и зачем, по-вашему, она взяла тех четверых: Гошика, Валерку, Аньку и Светку? Ну, сами же догадались – тем двум парам ни до кого и не до чего не было дела!

Весь вечер она не оставляла своих попыток поиграть с ним, но он только улыбался, а на прощание, уже у двери ее подъезда, тихо сказал:

– Ну, ты и стерва...

– Что... – задохнулась она (глаза больше лица, слезы рядом!)... А потом, подумав, ехидно спросила: – А мы уже на "ты"?

Вместо ответа он сказал:

– Завтра в три идем на выставку в Манеж, я за тобой заеду. И не надо ломаться, – тут же прервал он ее едва начавшееся возражение, – люди сутками стоят за билетами, а мы так пройдем, неужели упустишь такой случай?

– Нет, конечно...

...И закрутилось...

Родители сначала испугались, пытались образумить, да куда там! Он, не оправдав их опасений, не потащил ее сразу в постель, он был слишком взрослый и умный, он умел ухаживать и, наконец, он был богат. Такой жизни, в какую он теперь ее втягивал она не могла представить даже в самых смелых фантазиях.

А она была готова для него теперь на все. Втрескалась по уши. Он понимал ее до конца, чувствовал все ее хитрости, но от этого становился только ближе. Они как заговорщики иногда переглядывались в какой-то его компании, где она кого уж только не изображала! То девочка-скромница – глазоньки наивные – луп-луп, ротик бантиком. То умница-отличница, очечки даже кругленькие себе купила, по-аглицки мы пожалуйста, ах, вы не понимаете, извините, Христа ради, так мы и по-немецки шпрехаем, как скажете! А то вечером, распустив свое богатство и одев что-нибудь из шедевров, подаренных Игорем, затмевала всех скрипящих зубами теток, которые приходили с другими. Потому, что была молода, гибка и музыкальна, хоть и не красавица, но королев играть – разве привыкать?...

– ...Ладно, на сегодня воспоминаний хватит, – сказала она своему отражению. – И что, моя прелесть, мы будем сегодня делать?

Прелесть в зеркале тоже ждала ответа, но чуть более напряженно, все-таки помнила, кто тут главный!

– Не знаешь? Тогда запоминай. Сегодня у нас среда, а потому мы будем заниматься хозяйством. Боже, как же мы устанем в конце дня!

И принялась за работу.

Взяла телефон, растянулась на кровати, и работа закипела.

Первый звонок, конечно же, Катюше. Уборка – дело серьезное!

Второй в чистку, вещей накопилось не меряно.

Третий... Нет, хозяйство подождет, надо супругу любимому позвонить, поиграть в заботливую женушку. Ему, конечно, будет как всегда некогда, и он, конечно, как всегда, чертыхнется про себя, но это не важно. Пусть себе чертыхается, сколько хочет. Она прекрасно знала обстановку на его работе и еще лучше знала, как там ценятся верные и заботливые супруги. ...Черт бы их всех побрал с их американизмами!...

– Игаряша... Это я, – если телефоны у них прослушивают, то сейчас операторам в уши потечет мед. – Как работается?

– Нормально, – его голос, словно из автоответчика начисто был лишен эмоций.

– Игоречек, ты не забыл, что у нас сегодня среда?

– Нет.

– А в среду мы всегда ужинаем дома!

– Да, конечно.

– Ты будешь один или нет? На сколько человек накрывать?

– Галя, я это буду знать после трех. Ты ведь успеешь все скорректировать?

– Ну, конечно, милый! Целую и жду!

Дала отбой, закрыла глаза... Полежала молча и, если совсем честно, без эмоций. Целую... Жду... Почему же, почему все так получается? Ладно, не будем о грустном... Продолжим работу.

Четвертый звонок водителю – ну, не любит она сама водить машину, и все тут!

Пятый – директору из французского ресторанчика рядом, чтобы прислал повара и официанта к ужину.

Так, с хозяйством, вроде бы, разобрались, надо и о себе подумать, а потому, шестой звонок – массажистке, седьмой – маникюру.

Уже устала! Тяжела жизнь богатой женщины.

Игорь, как-то понаблюдав в ее игры с хозяйством, посмеялся и предложил завести экономку, но она возмутилась и наотрез отказалась. Еще чего! Чтобы какая-то чужая тетка считала их денежки! Она и сама это неплохо умела делать. И от солидных сумм "на хозяйство", которыми ее снабжал Игорь, она потихонечку и помаленечку, но регулярно, отрывала на свой тайный счет, о котором он и не догадывался. Мало ли что... Пригодится.

Все. Теперь следующий этап ее тяжелой и ответственной работы.

Посмотрела в окно – Гена уже ждет, значит быстро влезает в спортивный костюм, сумку на плечо – и в спортзал. Богатая женщина всегда должна быть в форме.

И тут она словно споткнулась.

Потому что в зеркале отражался ее Сон.

Только теперь уже днем.

И только теперь она, вроде бы, не спала, а стояла, полуголая, в одном белье – халат скинула, чтобы надеть спортивный костюм – смотрела в зеркале на него, а он на нее...

Сон улыбался. Немного губами, а больше своими глазницами, чтоб ему пусто было!

"Поорать, что ли?... – подумалось как-то вяло, потому, что сразу все обмякло, и она непроизвольно плюхнулась на кровать. – А толку?..."

Тогда она скорчила рожу и показала ему язык, хоть и дрожало все и внутри и даже немного снаружи!

Сон совсем уж по-человечески повел себя и заулыбался еще шире.

Но когда она резко развернулась, чтобы посмотреть на него как следует, а не в отражении зеркала, он растаял, словно растворившись в розовой тени ее спальни...

Она в три прыжка подлетела к месту, где он только что стоял. Ветка пальмы чуть качалась, ее новая гравюра немного сдвинута набок (он, что ли, задел?), стенка, к которой он прислонялся – она пощупала – еще теплая.

"Видно вот так и сходят с ума..." – подумала она, но почему-то не расстроилась – не верилось, что это может произойти с ней.

Сразу вспомнился ее первый поход к врачу, с которым свел ее Игорь.

Врач представился ей Иваном Ивановичем и она не смогла не хмыкнуть – его нос, темные выразительные глаза и характерный чуть картавый говорок как нельзя более кстати подходили именно к имени Иван Иванович!

Иван Иванович хитро улыбнулся, и сказал:

– Я тоже не прошу называть вас свое имя. Придумайте себе любое, и мы будем играть!

– Играть? – это ей понравилось, она сразу же начала придумывать себе роль, но Иван Иванович опередил ее:

– Только роль должна быть настоящей, иначе у нас ничего не получится.

– Разве роль может быть настоящей? – удивилась она. – Роль это всегда обман!

– А вы подумайте.

– Кажется, я поняла... – она и вправду придумала хороший выход – а почему бы не сыграть саму себя? – Да, я все поняла... Начнем.

Как она старалась! Зачем – и сама не могла понять. То ли хотелось все-таки разобраться со своими видениями, то ли, действительно этот Иван Иванович был хороший врач. Вывернулась наизнанку, рассказывала все, что помнила с самого детства, без прикрас, честно бичуя себя за все совершенные и даже только подуманные, но не осуществленные поступки...

Когда открыла глаза (Иван Иванович велел ей говорить с закрытыми), то думала, что увидит осуждение и неприязнь на его лице, но ошиблась – он смотрел по-доброму, улыбаясь всеми морщинками.

"Конечно, работа у него такая..." – подумалось тогда с грустью. Но Иван Иванович вдруг задал неожиданный не то вопрос, не то утверждение, заставившее ее покраснеть натурально:

– А ведь вы с мужем спите в разных спальнях, я прав?

– Но откуда...

– Не важно. А теперь опишите мне глаза вашего мужа, только быстро, не задумываясь, давайте.

– Умные, проницательные, насмешливые, снисходительные, голубые, быстрые... – затапаторила она, потом уже медленнее начала вспоминать: – симпатичные,... иногда веселые... иногда, наоборот, грустные...

– Достаточно.

Он какое-то время посидел молча, смотря куда-то мимо нее, а потом сказал:

– Я думаю, что мы разберемся со временем и с вашим Сном, и со всем остальным. Но не сразу, на сегодня хватит. Идите домой, отдыхайте и не думайте о наших разговорах.

– А Сон?

– Попробуйте рассмотреть его получше, запоминайте во что он одет, можете даже записать, а потом мы все обсудим.

Она не знала, что Иван Иванович после ее ухода долго сидел в задумчивости, барабанил пальцами по столу и потом, вздохнув, пробормотал:

– Уникальный случай...

А тогда она, уже по дороге домой вдруг подумала: "Чего я только не наговорила про его глаза... А вот родными или любимыми не назвала!" И как он сразу все про них понял, этот Иван Иваныч! Да, они уже больше года спят в разных спальнях и самое ужасное, что это ее уже не расстраивает...

...А как все начиналось! Когда он все-таки затащил ее в постель (или она его? ...теперь уже не понять...), то какой-то особой эйфории от этого ни она, ни он не получили... Ну, она-то понятно, все-таки первый раз и все такое! Но Игорь... Он тоже был какой-то спокойно-будничным, не такой, как ей хотелось бы. Хотя... может, это все выдумки? Ну откуда ей знать, как ЭТО должно быть по-настоящему? Из книг, фильмов или рассказов подружек? Так ведь это тоже все игра. Придумали люди себе игрушку и забавляются, а на самом деле, наверно, вот так все и бывает – просто, вообще-то довольно приятно, но ничего особенного... Тем более тогда все ее ощущения затмили новые эмоции, потому что Игорь после этого спросил:

– У тебя паспорт с собой?

– Конечно, сейчас без паспорта пойдика походи, да с ментами пободайся,... а что?

– Завтра идем подавать заявление.

– Игорь... – она задохнулась от чего-то огромного, подступившего к горлу, но потом все-таки спросила: – А... ты меня любишь?

Он погладил ее по волосам, поцеловал, и потом сказал такое, что впору убежать и утопиться:

– Знаешь, врать не буду, не хочу, чтобы в нашей семье с самого начала была недосказанность. На счет любви – не знаю. Может, я вообще на это не способен? Но ты меня очень устраиваешь и как жена, и как человек.

Она отвернулась, боролась со слезами, но все-таки довольно спокойно (она же актриса!) сказала:

– Тогда зачем? Зачем жениться? Я могу и так приходить к тебе. И даже пожить... А когда ты окончательно разберешься в себе, тогда и поженимся... или нет...

– Нет, – он вздохнул. – Прости... Но я опять буду честен, хотя и понимаю, что тебе неприятно слушать такое... У нас на работе любовницы не приветствуются. Или жена – или вообще никого.

– Что это за работа такая? – пыталась она улыбнуться. – Прямо аномалия какая-то в наше время!

– Серьезная работа и серьезные люди, и видишь, – он обвел рукой вокруг, – серьезные, даже очень серьезные, деньги! Так что скажешь?

Она немного помолчала, потом спросила:

– Ты ведь был женат... Почему вы разошлись?

– Зачем тебе это?

– Я не хочу расходиться, я хочу, чтобы у меня семья была крепкая, дружная и навсегда! ...И поэтому не хочу повторять чьих-то ошибок.

– Навсегда бывает только смерть, а чужие ошибки повторить невозможно, ведь при повторении они уже становятся твоими.

– Игорь, я жду.

– Не сошлись характерами.

– Игорь!!

– Я храплю во сне.

– Игорь!!!

– Галя... – он обнял ее, смотрел в глаза и, казалось, вот-вот что-то скажет... Зачем она тогда все сама испортила? Хотелось подбодрить, помочь и она поторопила:

– Я все пойму, Игорь! Я-то ведь люблю тебя, как ты уже сам, наверное, давно догадался...

Он словно очнулся от ее слов, улыбнулся, покусал тихонько за нос:

– Дитенок... Умный, нахальный и веселый... Но дитенок! Да или нет. Я жду.

– Да...

...Родители были в шоке. "А учиться? Ладно, в этот год тебе было не до поступлений! Но потом? Ты что, хочешь всю жизнь быть просто домохозяйкой?" – "А куда мне поступать? Я не знаю, кем хочу быть. Может, вы уже сами все про меня знаете? Скажите, не стесняйтесь!" Родители не знали, родители хотели проявить свою власть: "Не разрешим. Тебе еще нет восемнадцати, без нашего разрешения не распишут." – "А я тогда забеременею, этого хотите? Тогда, если справка будет, разрешат." Родители, понятное дело, не хотели: "Тебе самой еще в куклы играть!" И бодаться бы им еще долго, если бы не Игорь. Он пришел к ним и как-то очень спокойно и серьезно убедил их, что так будет лучше всем: им – потому что дочь не будет болтаться не поймешь где, что у нее будет свой и очень даже достойный дом, ему – потому что он не совратитель какой-нибудь, и потому, что так правильнее, и, наконец, самой Галине – потому, что она сможет учиться где только захочет, пусть только выберет – уж он-то поможет ей в этом непременно. И пусть они не слушают ее бред на счет детей – он серьезный человек и понимает, что ей самой еще нужно просто физически дорасти до возможности стать матерью...

От свадьбы он решительно отказался – он уже не в том возрасте, чтобы целоваться под пьяное "горько!", да и была уже у него одна свадьба, ничего ему не принесшая, кроме неприятностей, с него хватит,... зато медовый месяц у них был такой, что и настоящая королева позавидует! Ей казалось, что они объехали весь Земной шар. Впечатлений, видео и фото, кажется, могло бы хватить на три нормальных жизни. И тогда ей казалось, что все у них прекрасно и все

так, что лучше и не бывает. Да и Игорь во время их путешествия словно несколько растаял – был веселый, заводной и нежный... Да, он не очень эмоционален, ну и что? Он и в жизни такой – сдержанный и серьезный, ну и что? Зато ее энергии и выдумок хватит на пятерых! И чего она только не вытворяла во время их поездки! Пригодилось-таки неплохое знание двух языков, а Игорь еще вполне сносно мог объясниться по-испански. Вечерами они хохотали до истерики у себя в номере, обсуждая дневные приключения, напивались шампанским и, кажется, она тогда и в сексе начала находить что-то по-настоящему приятное...

– ...Я так никогда и никуда не дойду... – опять завела она беседу с самой собой. – И что это опять на воспоминания потянуло? Все давно пора забыть...

Она все так же стояла, прислонившись к стенке, как недавно делал это ее Сон и ощущала тепло. "Интересно, галлюцинации бывают осязательными? Наверно бывают... Вот ведь – я же ощущаю тепло...".

Она повернулась и поправила гравюру, которую задел (во всяком случае, ей так показалось) Сон. Странная была гравюра, не на что, виденное ею до этого, не похожая. А уж цена! Узнай о ней Игорь – удивился бы, хотя чем-чем, а уж ценами-то его сложно было удивить. Она почему-то постеснялась сказать ему о сумме, которую, не задумываясь, отдала тому, тоже странному, мужичку на вернисаже.

А странным в гравюре было все. Во-первых, непонятно из чего она была сделана. Казалось, что из камня – и по звуку, когда постучишь, и по отблескам тонких дорожек. Камень был, очевидно, слоистый и от угла, под которым смотришь на гравюру, менялся ее цвет. Если смотреть прямо, то поверхность была черной, а насечки серые. Но как обработать камень с такой поразительной тонкостью и чистотой?

А во-вторых, сам сюжет. Вернее, его отсутствие.

Вы когда-нибудь делали коридор из двух зеркал? Наверняка в детстве забавлялись и думали – куда же уходит этот коридор? Есть ли у него конец? И где начало?

Вот такой-то коридор и был изображен на гравюре. На переднем плане виднелась только чья-то рука, словно человек уже ушел, или, наоборот, только подходит к зеркалу. И чья – не понять. Тонкие длинные пальцы и манжет с кружевами, такая рука могла принадлежать и мужчине и женщине – мужичок сказал, что гравюра старинная.

И, наконец, в-третьих. Ни в одном, кроме последнего, из зеркал коридора никаких изображений не было! А вот в последнем отражался другой фрагмент руки – изгиб локтя. Создавалось впечатление, что человек прошел сквозь этот коридор, как сквозь пространственную дыру, так любимую фантастами, и теперь он уже почти весь там, только рука еще здесь. Или наоборот.

Вообще-то, гравюр у мужичка было две, и продать он хотел ей их парой, но не было у нее с собой таких денег! А как хотелось! Потому, что четвертой странностью гравюры была именно ее пара. Это была точно такая же гравюра, но словно зеркально отраженная и сделана она была из того же материала, только, видно, он был выточен в другой плоскости – сама поверхность была светло серой, а прорези – черными.

Они тогда отчаянно торговались с мужичком, но что странно – стоило только кому-нибудь подойти к ним еще, так он называл цену, большую ровно на один ноль. Люди выкатывали глаза, крутили пальцем у виска и отходили. Создавалось впечатление, что она чем-то ему приглянулась, и он хотел всучить гравюры только ей. Наконец, они договорились – сегодня она покупает только одну гравюру, а завтра они встречаются здесь же и она принесет деньги за другую.

А на завтра мужичок не пришел. Может, из-за страшного ливня, который промочил ее до нитки, хоть она и была под зонтиком? Гена потом бухтел всю дорогу о том, что его замечательная кожаная обивка из-за ее прихоти пострадала непоправимо, она же услышала его недо-

вольство только под конец, так была занята своими мыслями – придет завтра мужичок или нет – улыбнулась и отдала деньги за гравюру ему. Гена аж поперхнулся, спросил осторожно – она что, еще пару обивок ему собирается испортить?

А ее уже заклинило. И чем эта гравюра так ей приглянулась? Да и не знаток она вовсе, может, это вообще дешевка какая?

Она потом еще две с лишним недели ездила каждый день на вернисаж, перезнакомилась почти со всеми художниками, выпрашивая у них про мужичка, но тот, видно, пропал насосо-всем.

Ладно, решила она, пусть будет одна. И еще призадумалась – во что бы ее поместить, чтобы эта чернота хорошо смотрелась в ее розовой спальне? Купила наимоднейшую розово-сиреневую, под общий стиль, рамку. Повесила. Посмотрела. Выругалась. Прямо бабулька в матроске с помпончиком. Перепробовала все – от обвивания ленточкой до обвешивания розовой елочной мишурой. И, в конце концов, оставила так как есть – вообще безо всего. Рядом с пальмой, так, что видно с кровати – и прямо, и если повернешься на другой бок – то отражение в зеркале...

...Наконец, она решительно застегнула молнию на костюме, взяла сумку и сказала своему отражению:

– Ладно, пошла я... Ты тут води себя хорошо, а то знаю я тебя! Небось, давно уже с моим Сном снюхались! Вы же из одной породы! Только не подумай, что я ревную, мужик он – так себе, нескладный какой-то, словно из одних углов состряпанный. Если бы не глаза – вообще не на что смотреть. Ну все, пока!

...В спортзале, как всегда, быстро развеялась и развеселилась. Поболтала со знакомыми – свой человек, девчонка с нашего двора; довела до слез умиления уборщицу: "Как там ваш радикулит, мазь моя помогает?"; восторженно и с открытым ртом послушала рассказ одной немолодой тетки о внуке: "Он у вас вундеркинд, правда!"; построила глазки тренеру – этот безмозглый комок мускулов тут же принял все слишком буквально и начал уж очень нежно поддерживать ее при показе новых упражнений! Строго подняла левую бровь, глаза стеклянные, губы чуть брезгливые... Дошло, кажется, отпустил...

А вот когда пришла в бассейн – обрадовалась по-настоящему, потому что встретила там Александру.

Познакомились они давно, еще в самом начале ее замужества.

В одном из клубов, по которым они сначала очень часто таскались вечерами с Игорем, она и увидела ее. Удивительная была женщина. Не сказать, что красавица, да и фигура так себе. Но было в ней что-то загадочно-неземное, словно ореол... Или это люди сами создали ей такую славу, потому что была она ЧЬЕЙ-ТО женщиной, но никто толком и не знал – чьей? Только Игорь, сразу же, как только увидел Александру, хотел вообще сначала уйти, потом, вздохнув, передумал: ведь все равно где-нибудь встретаться придется, а значит надо когда-то начинать. Познакомил их, но как только они отошли, зашептал на ухо:

– Держись от нее подальше! Только официоз, никакой игры и никаких откровений, понятно?

– Почему?

– Потом объясню.

Но объяснять потом ничего не пришлось – было поздно, она отчубучила такое, что и сама сначала испугалась.

Ага, подумалось тогда, он сказал – подальше... Но ведь это – как шлея под хвост! Может, нарочно сказал?...

Это уже много времени спустя она поняла, что не нарочно и что не шутил, а тогда она задумала вот что...

Демонстративно начала напиваться, объясняя всем, что очень что-то пить хочется. Хотя на самом деле опьянеть по-настоящему ей еще никогда не удавалось – организм был молодой и крепкий. А потом взяла бокал Мартини и, шатаясь, пошла в сторону, где сидела в полном одиночестве Александра, вроде бы мимо хотела пройти, к балкону. Ну, а дальше дело техники! Шпилькой за пушистый ковер, почти что сальто в воздухе, грациозное приземление на колени Александры с выливанием всего бокала ей в декольте!

– Ой, мамочки... – глаза такие, что Тарантино уже бежит с подписанным на десять лет контрактом. – Ведь это платье, наверно, всей моей квартиры стоит... – хотя и знала прекрасно что почем, и что светлый Мартини с темно-синего платья сойдет, как и не бывало.

Краем глаза увидела, как побледнел Игорь, услышала, что все разговоры в клубе прекратились, но Александра улыбалась:

– А мы сейчас замочим. Пошли? – и кивнула в сторону небольшого, подсвечиваемого бассейна с фонтаном.

– Надо с солью, – сказала она совершенно серьезно, взяв солонку со стола ("А... играть так играть!"). И взяла ту за руку: – Пошли.

Что было дальше и вспоминать-то стыдно... Прямо вакханалия какая-то. Они как чумички перемазались своей косметикой в бассейне, хохотали до слез, отмывали друг друга, требовали "Шампунь – и в номера!" Народ вокруг, видя, что Александра в добром расположении, тоже развеселился. Правда, поддерживать их и нырять в бассейн никто, все-таки, не решился. Зима, однако!

Александра очень чутко уловила, когда веселье стало сходить на нет, и вылезла из бассейна, где ее уже ждал кто-то из персонала с огромным махровым полотенцем (и откуда оно здесь?). Точно такое же дали Игорю, на которого было страшно смотреть – до того бледен! На прощание они дружески поцеловались в щечки и Александра сказала:

– Ты забавная... Я позвоню.

Игорь все дорогу молчал. Она, вдруг почувствовав, что переборщила, начала просить прощения:

– Игорь... Я не нарочно! Ну, выпила лишнее, что ты меня не остановил?

Он продолжал молчать, сосредоточенно следя за дорогой.

– Игорь, ты обиделся? Тебе на работе попадет?

Он все молчал, и тогда она сказала:

– Останови машину.

– Зачем?

– Останови, мне плохо.

Он остановился и она, мокрая, завернутая только в полотенце – шубу одевать не стала, чтобы не испортить, вышла на тридцатиградусный мороз. Пошла прочь от машины.

– Галя, ты куда? – он высунулся в окошко.

– Домой, пешком. Мне полезно проветриться.

– Вернись немедленно, простудишься!

– Плевать.

Он выскочил из машины, догнал ее, потому что это было легко – она на шпильках, да и ноги в мокрых туфлях проскальзывают, далеко не убежишь – схватил в охапку и буквально донес до машины.

– Господи, ну что ты за дитенок... – улыбнулся, наконец, и поцеловал. – Ничего я не обиделся! Просто думаю, может уехать тебе куда? На время хотя бы.

– Да что в ней такого страшного? – возмутилась она. – Веселая, интересная и, по-моему, очень одинокая женщина! Так все время одна и сидела... До меня, то есть. И кто, все-таки, она такая?

– Я не знаю. Правда, – Игорь был все так же немного бледен. – Только вот вокруг нее все время как-то регулярно образуются трупы. Кто чуть ближе познакомится или не понравится – считай труп.

– А я ей понравилась! И потом... Чьи?

– Что чьи?

– Трупы чьи? Я почти уверена, что мужиков. И мне почему-то кажется, что не она в этом виновата. Просто чувствую. Так чьи?

– Вообще-то, действительно... – Игорь задумался. – Действительно, мужиков.

– Вот видишь! Все просто. Ее любит какое-то чудовище, которое не допускает никаких ее знакомств с противоположным полом, а она... знаешь, по-моему, она несчастна! Очень.

– Ох, Галя... – только и мог сказать он...

Александра позвонила ей на следующее же утро:

– Привет. Как здоровье?

– Привет, – она почему-то не испугалась, а обрадовалась, несмотря на все страсти, рассказанные Игорем. – Плохо. Муж вздрючил.

– Сильно? – на том конце провода искренне расстроились.

– Да нет, шучу! Он добрый, хороший! Только переживал за меня, говорил, что тебя нельзя трогать, для здоровья вредно. ("А,... ва-банк...")

В трубке помолчали, вздохнули, а потом:

– Вот что... Ты ему скажи, пусть не переживает. Это я сказала. Ясно?

– Не-а. Ни черта не понимаю, что за ужасы мне про тебя наговорили?

Там опять помолчали, потом:

– Хочешь – встретимся?

– Конечно! Если хочешь – у меня, я тебя такими персиками угощу! Игорю кто-то подарил, с голову, честно! Ни в одном магазине таких не купишь!

– Нет, – там опять немного помолчали. – Приезжай в кафе, – она назвала адрес. – Знаешь?

– Уже еду.

Вот так и началось знакомство. Дружбой, пожалуй, это нельзя было назвать – и разница в возрасте приличная, да и чувствовала она, что Александра специально держала дистанцию, хоть всегда и очень радовалась ей. Встречались только днем и только в людных местах. Она, действительно, была очень одинока, но только все вопросы о ее житье-бытье решительно прерывала. Смеялась:

– Ты правильно сказала – для здоровья вредно! Поэтому и не будем...

...А сейчас она, наплевав на все правила плавания в бассейне, стукнувшись лбом с каким-то толстяком, уже готовым возмутиться, но очарованным ее смущенным и нежно-мелодичным "Ох, простите, я такая неловкая..." и, видно поэтому, кисло пробормотавшим "Пустяки...", сразу же подплыла к Александре.

– Все. Финиш. Он мне уже и днем снится, – вместо приветствия сказала она.

– То есть как днем? – удивилась Александра, которая была в курсе всех ее дел. – Ты днем спишь? Что-то на тебя не похоже!

– Да нет... Это не я сплю. Это он снится, – она сморщилась, пытаясь привести мысли в порядок, чтобы все четко изложить. – То есть, я совсем даже и не спала, а он отразился в зеркале! Я повернулась – а его нет... А стенка теплая! Там, где он стоял... И гравюра набок. Все, точно финиш.

– Подожди переживать, – Александра и сама, кажется, расстроилась больше ее, но пыталась успокоить. – А может, ты все-таки его где-то видела? А теперь воображение дорисовывает, а? Ну, в кино, в клубах, или там, ... помнишь?

Она догадалась, что Александра имела ввиду один бабский клуб, в который они "страшное инкогнито" однажды выбрались, перед этим здорово загримировавшись и переодевшись. В основном, как она думала, из-за Александры – видно та боялась (хоть вслух ничего сказано и не было), как бы кто-то из стриптизеров потом не оказался совершенно случайно задавленным машиной или немножко выпавшим из окна.

Она вспомнила тех мальчиков и вздохнула:

– Господь с тобой... Какой из него стриптизер? Пугало бы из него вышло, это точно! Эдакая угловатая лохматая жердина под два метра, только и есть, что глаза, а так...

– А Ван Ваныч? Что говорит? – Александра тоже знала этого врача, слывающего чуть ли не чародеем в их кругу.

– Он, кажется, совсем зашел со мной в тупик, – она вздохнула, повертела, сморщившись, пальцем в ухе, чтобы вытряхнуть залившуюся воду. – И чего мы только с ним не делали! И описывала я его и даже рисовала. Кстати, у меня, оказывается, это неплохо получается!

– Да ты вообще талант... – улыбнулась Александра.

– Твоими бы устами... Так вот. Он, по-моему, все склонен свести к моим отношениям с Игорем, то есть к их отсутствию...

Александра замолчала, задумавшись, а на нее тут же нахлынуло другое воспоминание...

...После медового месяца сразу же наступили будни. Конечно, она понимала, что отпуск отпуском, а жизнь это совсем другое, и что, конечно, Игорь слишком занят на работе, и что, понятное дело, такие деньги, какие он зарабатывал, просто так с неба не падают. Все так. И все-таки как-то уж очень быстро он начал отдаляться от нее. Дела, усталость, занятость... Но ведь ему было всего тридцать с небольшим! Самый пик мужского расцвета!

Вообще-то, если совсем честно, ей это тоже было не очень-то и надо. Она даже хотела поволноваться по этому поводу, но передумала, начитавшись всяких умных книжек, которых у Игоря было великое множество. Она просто еще не выросла, говорилось в этих книжках, просто она, действительно, еще "дитенок", как он зовет ее. Всему свое время!

А вот Игорь, конечно, вызывал у нее тревогу. Уж пусть лучше бы ей пришлось уступить лишний раз, только бы с ним все было в порядке! Тогда в голову полезли всякие ужасы – ну, конечно, у него любовница, взрослая и опытная, все умеющая, не чета ей, и пусть не заливают, что на работе это не приветствуется!

Стыдно вспоминать, но она тогда наняла детектива.

Заметил Игорь его или нет, видно уже не узнать, ей он, во всяком случае, ничего никогда не говорил.

Детектив честно отработал все денежки, расписав три месяца жизни ее мужа с точностью до минуты, и на прощание хмуро ей сказал, что делать ей нечего и что такие мужики, как ее супруг, в наше время редкость.

Тогда ее начало кидать из одной крайности в другую. То стриптизисты на дому ему устраивали, да такие, что сама краснела по-настоящему, то истерики закатывала с уходом ночевать к родителям, то играла все понимающую верную подругу, а то холодную и самой себе мерзкую сволочь. "Галочка, – сказала ей как-то мама. – В народе это имеет одно название – бесится с жиру..."

...Ничего они не понимали, ее милые и чокнутые идеалисты! Они до сих пор смотрели друг на друга так, что у нее начинало щипать в носу! Это была действительно любовь, и она видела, что несмотря на их возраст уж у них-то в спальне все так, что лучше и не бывает...

А Игорь опять понимал ее до конца, не сердился ни на какие выходки, только улыбался и видел насквозь... Однажды она все-таки вызвала его на серьезный разговор, и он говорил с ней честно и искренне, или ей так показалось?...

– Галя, милая... Я так устаю... Хотя, может, это внешне и незаметно... Даже и не физически... – он сидел рядом, держал ее руки в своих, а ей хотелось зареветь... – Понимаешь, все время крутятся в голове все бумаги, цифры, котировки, биржа... Ничего не могу поделаться и забыть все это дома! Ты же знаешь, когда бывают большие праздники, то в конце я все-таки оживаю...

– Игорь, но зачем тогда все это? Зачем так много работать?

– Так или никак... Там, где я работаю иначе нельзя.

– Тогда брось эту работу. На кой черт они нужны, эти деньги, если жизнь из-за них такая? Да и что, мало их у тебя, что ли? И так внукам хватит!

– Да нет, внукам, пожалуй, не хватит... – улыбнулся он. – Ведь основные мои деньги в обороте, а это, знаешь ли, сродни хождению по проволоке. Подожди немного, встану на ноги попрочнее, тогда и собой можно будет заняться.

– Когда "тогда"?! Когда я стану беззубой старухой? – она кричала и колотила его кулачком по коленке. – Или когда у меня уже будет двадцать любовников и до тебя мне будет как до лампочки?

– Ну, двадцать – это слишком... – опять засмеялся он и попытался свести все к шутке. – Но пару-тройку, видно, мне переварить придется! Чтобы у такой женщины, как ты и не было любовников! Так не бывает.

– Я плевать хотела на всех любовников!! Я не хочу любовников, я хочу тебя... – она повалила его на диван и мутузила со всей силы. Он смеялся, ловил ее руки и, хотя и был совсем ненамного ее выше, быстро с ней справился...

...И опять все было уж как-то слишком обычно... Словно они вместе выполнили какое-то приятное, но повседневное дело – пообедали, например. А ей хотелось чего-то такого, чему и объяснения нет! Может, зря хотелось? Может, не бывает ничего такого на самом деле?...

...Игорь, между тем, вообще все чаще и чаще оставался ночевать в своем кабинете – работал допоздна, по полночи сидел, сосредоточенно уставившись в экран монитора, а потом оставался ночевать там же, на диване... Говорил, что жалко ее будить – у нее ведь такой чуткий сон! А потом и она перестала настаивать. Что-то словно надломилось в ней, словно угасло и заморозилось... Нет, так нет. И не надо. И вообще плевать ей на все...

И вот уже больше года он вообще ни разу не зашел к ней.

И уже больше года она ничего ему на этот счет не говорит.

И, вроде бы, так и надо...

И на людях они – идеальная пара – никогда не ссорятся, всегда вместе и всегда веселые...

...И плевать... плевать... плевать ей на все...

– ...Галя, – прервала ее воспоминания Александра, – а может я скажу своему... – она замялась, потому, что никогда они до этого не говорили о ее таинственном и страшном покровителе. Потом продолжила: – Ты дашь мне свой рисунок и он обязательно найдет его, если тот только вообще существует на самом деле.

– Нет, нет! Что ты! – она вдруг испугалась. – Мне еще трупа в спальне не хватало, вместо просто мужика!

Александра вдруг как-то сникла, опустила глаза и почти прошептала:

– Зачем ты так...

– Ой, прости! – она схватила ее за плечи. – Дура я все-таки! Только вот что, я тебе говорю все как есть, не то что другие. Всю правду! Про тебя все так говорят!

– Но не все, что говорят – правда! – с жаром воскликнула Александра. – Да, было... кое-что. Но кто прав и кто виноват – это еще как посмотреть! Я не могла себя защитить, я просто слабая женщина! А правосудие у нас не для всех, ты и сама это знаешь! Тем людям, что обошлись со мной так... в общем, жутко обошлись!,... никогда и ничего бы не было! Таких людей у нас не судят и они никогда не сидят, понимаешь? И тогда мой... он... разобрался с ними по своим законам. Может, это и неправильно, но не нам судить. Ну, а то, что людская молва прибавила к их количеству пару нулей!... Мы просто не опровергаем этого, так спокойнее.

– А почему же ты меня с ним тогда не познакомишь? – удивилась она. – Если он такой правильный и хороший?

– О, господи... Ну с чего ты взяла, что он правильный? – Александра сморщилась. – Он из другого мира! И тебе лучше его не знать, этот мир, ты такая чистая, настоящая и неиспорченная!

– Это я-то? – хмыкнула она. – А мне кажется, в аду меня уже давно ждет здоровенная такая сковородища! Меня же хлебом не корми – дай над людьми поиздеваться!

– Вот-вот. Ты со своей не испорченностью даже не понимаешь, что своими "издевательскими" ты приносишь людям столько добра!

– Ну, ты уж слишком... – недоверчиво протянула она. – Добра... Скажешь тоже... Просто люблю подыграть, поразвлекаться... Но ведь вру же на каждом шагу!

– Святая ложь. Слышала?

– Ой, не знаю... Только все равно, – опять спохватилась она. – Ничего своему не говори! Сама как-нибудь разберусь.

– А может, он тебе уже нравится? – вдруг улыбнулась Александра. – Твой Сон, а?

– Ага, – она засмеялась. – И у тебя с крышей все в порядке. Сон – и нравится. Класс! Хотя, знаешь... Я все-таки какая уж ни есть, а все же женщина! И без мужика скоро и на это чучело огородное наброшусь!

– Так уж и чучело! – засмеялась Александра. – Ты забыла? Рисунки-то я видела!

– Ты еще не видела его улыбку, он ведь только сегодня меня ею осчастливил, – тоже засмеялась она. – А рисунки – что? Вранье, конечно... Подыграла, как всегда...

Дома, как раз, когда массажистка закончила свое дело с ее телом, а маникюрша уже раскладывала свои инструменты, позвонил Игорь и сказал, что будет не один, а с тремя людьми и что ужин должен быть по первому разряду. Что ж, по первому, так по первому, привыкать что ли?

Эти трое были такими разными... И что общего могло быть с ними у ее, в общем-то, хоть и "нового", но очень хорошего и интеллигентного мужа?

Один еще вроде ничего – седой и представительный, только зубы все золотые – брррр... Другой явно "шестерка" – голова для того, чтобы есть, все остальное прилагается. А вот третий вообще кошмар! Рыхлый, какой-то слюнявый, хищно поглядывающий на нее пороссячьими глазками, да плюс еще ко всему весь обвешанный золотом – ну, прямо елочка новогодняя!

В разговорах она не участвовала, да и не понимала ничего – сплошные рейтинги, коти-ровки, прессинги... Но улыбалась всем напропалую, играла и кокетничала, лишь иногда выходя на кухню, чтобы похихикать над гостями с молодым официантом из ресторана – он и обслуживал их за столом, не она, конечно.

Один раз ей удалось переброситься парой слов и с Игорем:

– Игорь, дорогуша, и вот с такими людьми ты делаешь деньги?

Он засмеялся, потер лоб рукой:

– Слава богу, хоть не каждый день... С такими не каждый.

– Да пошли ты их к черту!

– Пожалуй, к этому все и идет, – он задумался. – Соблюдаем приличия – потанцуем, по кофе,... а потом у них самолет.

– Потанцуем?!?! – она аж задохнулась. – Да я что у тебя? Кукла надувная?! С этим поросенком?! – потом сказала резко. – Можешь обижаться или сердиться, но я пошлю его к черту, как только он меня пригласит, а он это сделает, точно! Ты что, не видишь как он на меня смотрит?

– Галка, дитенок... – он засмеялся. – Ну что же ты меня за какое-то чудище держишь? Первый, на правах мужа, приглашаю тебя я, а там... Или, может, тебе надо рассказывать план действий?...

...Ах, как же Игорь танцевал... Ему бы заняться этим серьезно – таких бы высот достиг! Ведь он никогда и нигде не учился, па и танцев никаких не знал, но как же он при всем том умел танцевать! Чутко чувствующий музыку и такт, гибкий, изящный и стройный (и как это ему удавалось? лопал за троих, ничем и никогда не занимался, а вот, поди ж ты – ни жиринки...), такой музыкальный и импровизирующий на ходу так, что другим и не мечталось... В танце с ним она закрыла глаза и почти представила их медовый месяц... Он вывел ее из этой задумчивости, тихонько шепнув на ухо:

– Музыка скоро кончиться...

– Я готова...

Тут он крутанул ее в каком-то особо немислимом повороте, она громко ойкнула, он тут же испуганно спросил:

– Что? Опять?

– Да, кажется... – она сделала шаг, нога подкосилась, и Игорь эффектно подхватил ее на руки. – Точно, опять...

– Что такое? – почти одновременно спросили толстяк и седой.

– Старая травма, – сказала она трагически и глухо. – Мениск... Ах, как некстати... Мне так хотелось составить вам пару... – глаза полные слез, несчастное лицо, опущенные плечи, ... "Оскары" вязанками валяются к ногам... Игорь, внешне убитый горем, тихонько трясется – от смеха...

Вид вытянувшихся лиц гостей удовлетворил ее почти полностью и когда Игорь уходил с ней на руках в спальню, она собрала все свое умение и выдержку, чтобы не захихикать.

В спальне, когда Игорь, все также тихо смеясь, накручивал на ее коленку какую-то немислимую культю, чтобы гости увидели всю "серьезность положения", она спросила:

– Зачем ты притащил их к нам? Ведь они могут и потом зайти как-нибудь в гости! И что я буду с ними делать?

– И на старуху бывает проруха... – Игорь закончил работу с ее коленкой, стоял, наслаждаясь видом своего абстрактного искусства. – Запудрили они мне мозги в офисе, думал толк какой-то будет. Только не переживай, они же сегодня улетають, и ни адреса, ни телефона я им не давал.

– Но они ведь у нас сейчас! – удивилась она.

– Я на всякий случай подъезжал со стороны дворов, там названия улицы нет, а по пути мы разговаривали, Москвы они не знают, так что не переживай, – повторил он.

– Будем надеяться... – она, пройдясь взглядом по всей комнате, вдруг в ужасе уставилась на стенку между пальмой и гравюрой и Игорь, увидев этот ее остекленевший взгляд, удивленно спросил:

– Галя, ты что? Эй,... Галчонок, в чем дело?

Так как она все также молча смотрела на стенку он, проследив за ее взглядом, посмотрел туда же.

На стене, придавленный гравюрой, висел обычный листок в клеточку, на котором размашистым и угловатым почерком было написано:

"Поменяйте замок! К нему кто-то подбирает ключ!"

Игорь подошел к стене, взял листок и внимательно посмотрел на нее.

– Игорь, я клянусь... Я тебя не разыгрываю... И потом... Я не сказала тебе, что сегодня утром он появился и просто так, не во сне...

– То есть как "так"? Ты его впустила в дверь?

– Нет!!! – она жалобно смотрела на него, видя, что он все также внимательно смотрит на нее. – Игорь, нет! Он появился в зеркале! Ну, то есть, отразился, а появился вот здесь, у пальмы... И я совсем даже не спала...

– А потом? Куда он делся потом? Ушел?

– Нет... – она опустила глаза. – Растаял... Там же, у стенки...

Игорь подошел к ней, сел на ковер у кровати и смотрел молча, снизу вверх, в глаза.

– Игорь, – почти прошептала она. – Я что, и правда похожа на сумасшедшую?

– Нет, – он взял ее руки в свои, и все также смотрел в глаза. – На сумасшедшую ты похожа меньше всего. Но, согласишься, как-то все это очень странно.

– А может... гости? – кивнула она в страхе в сторону гостиной.

– Да нет... – он задумался. – Ведь твоя,... то есть спальня направо от гостиной. Сюда они точно не ходили.

Потом он, в такой же задумчивости подошел к журнальному столику, рядом с пальмой. Там лежал ее последний французский каталог, телефонная книга, какой-то детектив в яркой обложке и тетрадка. Обычная, наполовину разорванная, для всяких записей. Он взял ее, открыл и вложил листок в серединку. Опять посмотрел на нее, потому что она уже поняла – листок был из ее тетради...

– Игорь... – она жалобно улыбнулась. – Ну, я же не играю так банально и наивно!

– Наверно, поэтому я тебе и верю, – тоже улыбнулся он. Потом понюхал листок: – Странный запах... Что-то знакомое, не могу вспомнить...

– Дай-ка, – она подошла и тоже понюхала листок.

Закрыла глаза, вспоминая... Знакомый запах,... детства...

– Канифоль! – обрадовалась она. – Точно! Когда у нас еще был старый "Рубин" папка его часто чинил и паял, а я так любила сидеть рядом и совать во все нос! Но он не ругался, наоборот – рассказывал мне как и что работает... – ей вдруг стало так тепло от этих воспоминаний и она уже совсем весело добавила: – И почему из меня не получился электронщик? Вроде бы тогда все понятно было!

– Еще не поздно... – Игорь положил листок на стол и опять взял ее на руки. – Ладно, потом разберемся, пошли к гостям, а то они там, наверно, совсем соскучились.

Но разбираться он больше ни с чем не стал и когда Гена увез гостей в аэропорт, опять уселся в кабинете за компьютер. Она, к тому времени уже побывавшая в душе, и теперь одетая только в прозрачную рубашку, зашла к нему. Заметила, что Игорь, увидев ее, как-то внутренне напрягся и посерьезнел, да и понятно почему – последний раз он видел ее такой уж и не вспомнить когда...

Она подошла сзади к его креслу, обняла за плечи и прошептала на ухо:

– Игорь, пожалуйста, пойдем ко мне... Мне страшно... Мне ничего не надо... если не хочешь... Только пойдем... Пожалуйста...

– Галя, – он взял ее за руки. – Ну, что за глупости? Все под сигнализацией, и охрану я спрашивал, когда гостей провожал. Это чьи-то плоские шутки. Катюши твоей, может? Она, как ты рассказывала, ведь тоже большая шалунья, а? Или может этого официанта? Как его, Миша, да?

– Игорь, это ты сошел с ума... Они так держатся за работу, что им и в дурном сне не приснится такая шутка! Игорь, а может это связано с твоей работой? У тебя там есть такие, ... ну, кому ты мешаешь?

– Все мы кому-нибудь, да мешаем... – задумался Игорь. – Но, чтобы так... – а потом решительно закончил: – Нет. Я никогда не играю по крупному с кем-то одним. Выгоды, несомненно, меньше. Но зато так спокойнее – никому при этом я не помешаю настолько, чтобы это стало опасно.

– Все равно... – она еще крепче прижалась к нему. – Игорь... Я прошу...

– Галя, у меня очень много дел, – он решительно разнял ее объятия, встал, взял за плечи и повел к выходу. – Пойдем вместе и убедимся, что все в порядке. Да и дверь я закрывать не буду, мне отсюда и коридор и твоя комната видны. Пойдем.

– Да пошел ты к черту! – прошипела она и вырвалась из его рук. – Вместе со своими котировками, биржами и рейтингами! В кои-то веки... Просто побыть рядом... – она почти бегом преодолела расстояние до двери кабинета и уже там, на пороге, крикнула: – А мне и не очень-то хотелось!

Она убежала, а Игорь долго в задумчивости сидел, подперев руками голову и смотрел куда-то вдаль, мимо монитора...

...У себя она, впервые за долгое время, повернула ручку замка, когда закрыла дверь. Походила по комнате, взяла листок, повертела его, опять понюхала. Запах уже почти выветрился. Тогда она внимательно посмотрела на надпись. Почерк твердый, размашистый и угловатый. Как и его обладатель. В том, что записку написал ее Сон, она уже почти не сомневалась.

– Чего бояться-то? – вздохнула она. – Хоть бы сказал! Ценностей в доме особых нет... Украшения и деньги внизу, в банке, в депозитарии. Если меня изнасилуют, то я, пожалуй, еще и сама доплачу... – потом хмыкнула. – Размечталась!

Почему-то не спалось. Вообще-то вечерами она обычно засыпала, стоило только прислониться к подушке, а сейчас смотрела в потолок, и в голову чего только не лезло. И даже не поняла – вообще она не спала в эту ночь или опять, как всегда, проснулась очень рано? Только этим утром она уже опять давно лежала с открытыми глазами, слышала как встал Игорь, как, уходя, подергал ручку ее двери и тихо спросил: "Галя, ты спишь?" Слишком тихо, чтобы действительно хотеть, чтобы она его услышала... Видимо, для очистки совести... Но ей было все равно... Видно вчера последняя ниточка, связывающая ее с ним, оборвалась... Она все лежала и уже было совсем собралась встать, но тут он и появился. И она теперь во всех деталях могла проследить как это происходит.

Сначала запахло не то озоном, не то еще чем-то на него похожим. Потом воздух между пальмой и гравюрой стал словно сгущаться и через какое-то время уже напоминал большой плотный воздушный шар, в котором преломлялось все, что было за ним. Словно огромная объемная лупа. Меленькие цветочки на ее обоях, попав в круг этой чуть вздрагивающей и меняющей очертания лупы, становились огромными фантастическими розовыми подсолнухами...

Она поплотнее смежила глаза и сквозь ресницы смотрела на это неизвестное науке явление. Сердце, конечно же, заколотилось, было жутковато, но при этом очень интересно!

В воздушной лупе, между тем, пробежали какие-то тени, и потом как-то сразу он и появился. Словно шагнул сквозь невидимый порог. Опять уставился на нее. Хлопал невозможными своими, словно нарисованными ресницами и просто стоял...

Она же теперь очень внимательно рассматривала его. Ведь раньше это было всегда в полудреме, а сейчас она была совершенно проснувшаяся, и он этого не знал.

...Светлые волосы растрепаны и торчат во все стороны, а кожа загорелая, не как у блондинов – странно... Одет вроде бы просто – брюки и рубашка, но что-то не так, сразу и не понять что...

Сон оглянулся, наклонился к столику, взял опять ее тетрадь и ручку и присел на корточки, собираясь, видно что-то написать. Тогда она спокойно и тихо сказала:

– Ну, хватит бумагу переводить. Говори так. Или ты немой?

Он аж подпрыгнул на месте, что здорово ее порадовало – не одной же ей, в конце концов, пугаться! Ручку уронил, а тетрадь держал в руке, но видно сразу же про это забыл, смотрел на нее во все свои чумовые глазищи...

– Ты по-русски говоришь? Или только пишешь? Do you speak English? Sprechen Sie Deutsch? Или,... как это... – наморщила она нос, вспоминая уроки Игоря. – Habla usted Español? (авт: Говорите ли вы по-английски? (анг.) Говорите ли вы по-немецки? (нем.) Говорите ли вы по-испански? (исп.))

Сон помолчал, опустил глаза, вздохнул и пробормотал:

– По-русски... И по-немецки, но хуже... И я не немой...

– Слава богу, разродился! – попыталась она шутить, потому что все-таки трусила здорово. Его голос, хоть и довольно симпатичный – низкий и с хрипотцой – был такой настоящий! И если это тоже ей все видится и слышится, то все, девочки, заказывайте траурные венки,... приехали! – Ну, давай, говори, чего ты там хотел писать!

– Замок поменяйте! К нему кто-то подбирает ключ. Я слышал... – он опять посмотрел на нее, но смутился и даже порозовел. Оно и понятно – рубашечка ее, скажем прямо, была весьма и весьма смелой.

– Да сам-то ты кто такой?! – уже по-настоящему возмутилась она. – И как ты здесь оказался? Ключ, видите ли, кто-то подбирает! А сам появляется в чужой квартире не пойми откуда, рассказывает как у себя дома и записки пишет! Ты кто такой?! Говори немедленно!!

– Я ничего плохого вам не сделаю... И я... В общем, это не важно... Но мне страшно за вас!

– Прекрати выкать! Ишь, развел церемонии. Это тебе не приемная английской королевы, а моя спальня! – она села на кровати, конечно же, невольно поглядев при этом на себя в зеркало – нормально... растрепанная немного, но фурия та еще! Глаза сверкают, брови сдвинуты – оскорбленная невинность. – Меня тут из-за тебя скоро в психушку, видно, упекут, а ему, видите ли, "не важно"! Говори!

– Я... в общем... – топтался тот на месте, мял тетрадку, ссутулился,... чучело, да и только.

Тут она в сердцах, и подзадоривая себя, потому что все равно трусила (чего уж скрывать!), схватила свой тапок и швырнула в него что есть силы. Меткость у нее была отличная, в школе одни пятерки и по физкультуре вообще, и по метанию гранат, в частности. Но и он плохой реакцией не страдал – поймал у самой головы и повертел удивленно этот крошечный меховой комок, а потом, замечательно улыбнувшись, сделал шаг назад и растаял...

Она подлетела к стенке и замолотила в нее кулачком:

– Тапок отдай! У... жулик!!

Тишина и никаких шаров или луп. Дурь, да и только! Ну, и что ей со всем этим делать?

Она собралась пойти попить кофе и хорошенечко обдумать все происшествие, но тут зазвонил телефон:

– Галя, это я.

– Игорь? – она удивилась, потому что он редко звонил ей просто так. – Что-то случилось?

– Галя, я был не прав... Не сердись!

– Да что ты, Игоречек? Я вовсе и не сержусь... – и это была правда, ей, действительно было все равно. – Ты не волнуйся, работай спокойно!

– Галя, давай пойдем сегодня куда-нибудь, а? Мы так давно нигде не были...

– Ой, а я уже сказала маме, что зайду к ней... – соврала и даже не покраснела, совсем ей не хотелось никуда с ним идти. – Может, перезвонить?

– Нет, что ты, тогда не надо... – он вздохнул, а у нее ну ничегошеньки в душе не шевельнулось! – Тогда в другой раз... Ты позвони, когда соберешься домой – я заеду за тобой.

– Хорошо... Но я, скорее всего, у них и заночую. Так давно не виделись!

– Ладно... Но ты все равно звони.

Она положила трубку. Вздохнула и сразу же набрала мамин номер...

– ...А я еще раз тебе говорю – это все у тебя от безделья, – мама, так удивительно быстро сделавшая пирог с вишней сидела напротив нее на их маленькой кухоньке и выглядела сейчас несчастной. Оно и понятно – единственная дочь сидит и жалуется ей на судьбу!

– Да я весь день в делах! – она возмутилась. – Кручусь, как заводная!

– И дела твои все – от безделья! Разве это дела? Массажистки, маникюрши... Уборщицу вызывать, повара... А сама? Сготовить, убраться?

– Но Игорь сам не разрешает мне этого!

– Вот тогда и не говори, что ему до тебя как до лампочки! И вообще, тебе нужно или поступать в институт или заводить ребенка. Тогда сразу поймешь, что такое занятой человек!

– Интересно... – протянула она. – А кто же это говорил, что детей мне заводить рано, а?

– Галичка, доча, это было почти четыре года назад! – всплеснула руками мама. – Сейчас я бы уже так не сказала!

Они замолчали, думая каждый о своем. "Может, сказать ей все? И про Сон и про то, что детей без мужчин делать еще пока не научились?" Она не говорила родителям всех сложностей своей жизни и сейчас очень колебалась... Кому, как не близким доверить все и поплакаться в жилетку?... Украдкой посмотрела на маму и передумала. Вот уже и морщинки вокруг глаз, несмотря на всю супер-косметику, которой она ее завалила, стали так сильно заметны... И волосы седые пробиваются сквозь густой чудо-каштан завитков... И сидит она сейчас такая несчастная и думает о своем, хоть и взрослом, но все равно ребенке на всю жизнь... Надо подыграть, кому же подыграть, как не маме?... А потому сказала:

– Ладно, мам... Я тогда пойду, все-таки... И вообще – все хорошо,... вот уже и жалею, что не пошла сегодня с ним куда-нибудь! Пойду и сделаю ему сюрприз – он меня не ждет, а я приду, да не одна, а с твоим пирогом! Я ведь возьму с собой немножко, можно?

– Ой, да почему немножко? – засуетилась мама. – Бери весь, ведь Игорь так любит пироги!

– Этот крокодил все любит... – пробурчала она. – И куда только что в нем девается?... Только вот что... Ты папке, когда придет, ничего не говори, а то с его-то сердцем! Так скажи – посидели, поболтали. Ну, ведь правда, на самом деле – все хорошо, да? Просто погода плохая, вот и настроение под стать...

Она не стала звонить ни Игорю, ни Гене. И такси не взяла. Пошла пешком. Далековато, правда – час с лишним топтать придется... Ну и что? На улице, на самом деле здорово – какой-то не то туман, не то мелкий дождик и такая теплынь! Говорят, для кожи такая погода полезна. А в особенности для мозгов. Проветриться, погуляет, может и спать будет крепче утром...

...Да, как ни верти, а Сон – он настоящий. Тапок-то пропал. Она утром чего только не напридумывала – может, это уже не только слуховая и зрительная галлюцинации? Может, уже осязательная? И поэтому она не поленилась прощупать, ползая на четвереньках, весь угол между пальмой и дверью... Нет тапка, и все тут. Так может того, что его нет, ей тоже кажется? Только уже осязательно?

И тетрадка смятая на столике лежит. Та самая, которую он от неожиданности чуть не порвал. И пахла она утром так же, как и записка – канифолью. Хотя, сейчас, наверно, уже выветрилась...

Она и не заметила как подошла к дому, и только у квартиры спохватилась – Игорю не позвонила, нехорошо как-то, ведь обещала. Сейчас позвонить, что ли? "Игорь, я уже иду, стою у нашей двери!" Совсем глупо выходит. А, ладно, ничего же с ней не случилось!... Пожурит немного и все.

В квартире играла музыка, и, видно, поэтому он не услышал как она открывает дверь. Она сделала пару шагов по коридору и уже хотела было громко сказать, что она дома, как вдруг... "Ага. Вот она – его "занятость". То-то он так настаивал, чтобы я позвонила!"

...Перед зеркалом в ее спальне стояла женщина. Белокурая, в красном белье и ажурных чулках. Она, закрыв глаза, раскачивалась в такт музыке и, видимо поэтому, да еще потому, что в коридоре было темно, не видела ее...

"А сам-то где? – подумала она. – В ванне, что ли? Что-то не слышно..."

Самое интересное, что ей как-то даже и обидно не было. Просто забавно и немножко стыдно – словно она сама виновата, ведь не позвонила же!

– Ну, что? Будем знакомиться? – она шагнула в комнату. – Я – жена Игоря, Галя. А вы, как я понимаю – любовница? Сам-то где? Представил бы. Мы же культурные люди!

Женщина резко развернулась к ней, и она увидела полные ужаса глаза, такие знакомые и такие близкие...

– ...Игорь?... – прошептала она и только теперь поняла, что белокурые волосы – это ее парик, купленный на маскараде в Италии, а красное белье – одна из попыток почти годовалой давности для того, чтобы совратить его... – Игорь, что же это?...

...Если бы он засмеялся или изобразил что-нибудь... Если бы он хоть что-нибудь наврал про какой-то сюрприз или маскарад... Если бы он, хотя бы, просто улыбнулся... Она бы, конечно, не поверила, только потому, что видела уже его глаза... Но она бы тогда смогла подыграть, свести все к шутке, созорничать...

...Но он с таким отчаянием смотрел на нее и ждал. Приговора. Упреков. Высказываний в лицо всего, что она думает... Насмешек, презрения и оскорблений...

Конечно, в первую минуту именно это и вертелось у неё на языке – что-то такое издевательское... за все то, что она вытерпела! За все то, что она передумала про себя – и что недостаточно красива, и что недостойна его, и что ему с ней плохо и скучно! А, оказывается, все так просто...

...Но... Нет... Она сможет... Она должна. В конце концов, он же не виноват! Это просто болезнь и сейчас ближе нее у него нет никого на свете. Она просто должна помочь... И она сможет...

– Игорь, солнце, а я тебе пирог принесла от мамы... – улыбнулась она и подошла к нему. – Твой любимый, с вишней!

Он, все также страшно смотря на нее, стоял и молчал, а она подошла совсем близко и, обняв его, сказала на ухо:

– Слушай, а ты такой хорошенький... Ножки – просто класс! Как это я раньше не замечала?

– Не надо... – прошептал он. – Только не смейся... Обругай, ударь... а лучше совсем убей... Только не смейся...

– Я не смеюсь... – она на огромных каблуках была почти одного с ним роста и, обняв его, шептала на ухо: – Почему же ты молчал? Ну, почему...

– Я... перед тем, как расписаться... и потом... Мне казалось тогда, что я победил это... Ты – сама женственность... я думал, что все наладится... И потом, я и правда люблю тебя... Только вот не совсем так... как надо...

– Но почему же ты молчал так долго?... – она собирала все силы, что были, чтобы говорить ласково и спокойно... Если бы он, действительно, сказал это раньше! Тогда, когда еще ей было не все равно! А теперь поздно. Ничего у нее не шевелится внутри... Только жалость. Но она должна... Ведь он так много делал для нее... Кто у него теперь есть, кроме нее, кому можно все это доверить? – Игорь, все будет хорошо... Мы найдем самых лучших врачей. Еще ничего не потеряно!

"Может, это и можно вылечить... – думала она между тем про себя, – только вот мне-то это уже все равно... Но я должна сделать все, что можно... И только потом, когда он опять станет здоров, я уйду..."

– Но я не хочу... – наконец подал он голос. – Я совсем не хочу лечиться. Я хотел накопить побольше денег и стать женщиной окончательно... Операцию сделать... Не здесь, на западе... Уехать и начать новую жизнь...

– Игорь, это всегда успеется! – она усадила его на диван, держала за руки и смотрела в подкрашенные и наверно поэтому такие красивые сейчас глаза. – Игорь! Ты же такой умница! Ну, ты же должен был это все читать! – только теперь она поняла почему его библиотека имеет столько специальной литературы... – Ты так думаешь потому, что у тебя что-то в организме не так, что-то сломалось и разладилось, стало неправильным! Какие-то химические реакции, гормоны, гены или еще что-то! Ты ведь не лечился еще, да?

– Нет, конечно... Разве можно здесь что-то скрыть? Об этом сразу же узнала бы вся Москва... Даже Иван Иванович... Хотя, кажется, он о чем-то и догадывался...

– Ну вот! Видишь! – она успокаивала его и думала, а кто же теперь успокоит ее? Кажется, она уже была на грани истерики или чего-то подобного... – Нужно же попробовать! А вдруг потом, когда ты станешь самым мужнистым мужчиной, мы со смехом будем все это вспоминать? И вдруг тебе потом будет даже сложно представить, как же ты такое мог хотеть?

– Может быть... – опять прошептал он. – Не знаю... Только, что же... Ты, значит, не бросаешь меня? – он так посмотрел на нее, что она почти сама поверила в то что говорит.

– Глупый... Я же твой... друг, в конце концов! – и вдруг, до конца осознав весь ужас следующего возможного ответа на свой вопрос, все-таки спросила: – А у тебя есть... друг?

– Что ты?! – он чуть ли не подпрыгнул. – Это конец... Я понимаю, что если такой бы появился, то на всем можно было бы ставить окончательный крест... – и глухо повторил, закрыв подкрашенные ресницы: – Это конец...

– Вот что, – она вдруг решительно встала и подняла его за руки. "Надо хоть на время вытащить его из этой ямы... Нельзя оставлять его наедине со своей бедой... Мужчиной он себя чувствует или женщиной... Все равно, БЕЗ ЭТОГО жить неправильно... А то еще и правда друга заведет..." – Вот что, Игорь... А не поиграть ли нам?

И она потащила его в кабинет. Рывком распахнула шкаф, вытаскивала одежду и не переставала говорить и говорить при этом... Только бы не зареветь... Или не засмеяться...

– Так... – она все рылась в его вещах. – Ну, где же тот серый костюм, который испортили в химчистке? Ну тот, помнишь, который так сел, что хоть выбрасывай? Ты еще хотел его просто отнести на помойку? Ага, вот он, хорошо, что еще не отнес, – она швыряла вещи по всей

комнате. – Мне будет в самый раз! Так. И рубашка вот эта самая маленькая... А шляпа где? – ураганом улетела в прихожую, вернулась со шляпой на голове, которая немного топорщилась от волос, заправленных в тулью. – Как тебе я, а?

– Галя, ты что? – он и с надеждой и с недоверием смотрел на нее. – Ты... все-таки смеешься?

– Еще чего! – она срывала свою одежду и со скоростью солдата-демпеля одевалась в его костюм. – Какая, в конце концов, разница? Сам побыл мужем, дай и другим попробовать! Или тебе уже жалко отдавать роль главы семьи в мои руки?

– Галя, ты серьезно? – столько надежды светилось в его глазах, что обратная дорога была заказана и мосты сожжены...

Она, наконец полностью одевшись в его вещи, не снимая туфель с каблуками – чтобы быть повыше – подошла обняла его...

– Моя девочка... – "Только бы не зареветь... господи, если ты есть, дай мне силы..." – Ты самая красивая... И стройная... – даже голос, казалось ей, стал у нее грубее... – Я так соскучилась... лся... – "Я должна, наконец, обыграть его... И, в конце-то концов, какая разница – кто сверху..."

Игорь вдруг улыбнулся и прильнул к ней... Так нежно, трогательно... А она целовала его властно, требовательно, даже немного жестко... И видела, что ему это безумно нравится и что реакции его организма остались нормальными... Только где же взять силы, господи... И еще эта чертова музыка так любимого раньше Меркьюри совершенно недвусмысленно и прозрачно придает всему определенный налет... Но она артистка, разве нет?... И уже падая с ним на диван, она все твердила и твердила про себя, что она должна устоять...

"...Ах, господин Спилберг! Своими рыданиями о напрасно прожитой до знакомства со мной жизни, вы промочили мне всю жилетку..."

...Жаворонок, кажется, сдох. Или при смерти, это уж точно. Опять она не спала и как заправская сова таращилась в потолок...

Она, наконец-то, переиграла своего умницу-мужа, она старше его теперь на тысячу лет, он поверил ей и был вчера так счастлив... И как же должно быть ужасно протекает его жизнь, состоящая только из игры, где он должен постоянно изображать из себя то, чем он на самом деле нисколько не является... Да и только вчера она по настоящему, именно с этой точки зрения рассмотрела его. Он ведь совсем ненамного выше ее, такой стройный, изящный и гибкий... Плечи, пожалуй, широковаты для этой роли, но это уж дело вкуса... Да, днем он всегда в хороших костюмах, с хорошей прической, может несколько и длинноватой, но совершенно мужской, и актер он от бога... Да и работа его, где женщинам места мало, и где те немногие, что есть, скорее напоминают мужиков в юбках, не оставляет никакого сомнения в его принадлежности к сильному полу... Видно поэтому и в голову никому не приходит что он такое на самом деле... Но его поведение вчера... Когда он расслабился окончательно, когда поверил ей, что она хочет быть его мужчиной... Такое не сыграешь...

...Это была нежная женщина, так ждущая ласки и тепла, твердой руки и того, чтобы ею кто-то покомандовал... Чтобы кто-то восхищался ею и любил ее, только потому, что она слабая... Хотя и здесь природа сыграла с ним злую шутку – уж кем-кем, а слабым-то его назвать было никак нельзя, ни морально, ни, тем более, физически...

...И почему же ей так горько от этой удавшейся роли?...

...И что же ей теперь делать?...

И почему, вообще-то, они придают этому столько значения и все у них так сложно?... Посмотреть телевизор или какую-нибудь эротическую видюшку – там давно уже и не разберешь, кто женщина а кто мужик! Известные на всю страну люди живут как хотят и не скры-

вают своей принадлежности. Дружно, весело, одной большой семьей. Геи, лесбиянки, гомо, гетеро... Все вповалку и всем хорошо, и никто даже и не думает расстроиться по этому поводу! Чего бы и им не жить без дум и проблем? Может, всему виной слишком пуританское воспитание Игоря, который большую часть раннего детства провел в закрытой английской школе? Или ее СЛИШКОМ женственность...

Она ведь и правда слишком женственна. Очень слишком. Настолько слишком, что никогда в жизни у нее не возникало желания не только стать мужчиной, но даже и просто поиграть в него! Единственная ее "мужская" роль – дядькиного воспитанника – все-таки не была настолько реальна, да и не такое уж сильное различие полов у тинэйджеров! И как же теперь ей продержаться тот год или даже чуть больше о чем просил ее Игорь? Ведь именно столько, по его словам, ему нужно было для того, чтобы окончательно и с выгодой превратить все его оборотные деньги в наличные... И уже только тогда они смогли бы уехать за границу и начать либо лечение, либо, если не получится, новую жизнь...

...А вчера, когда после всего этого фантасмагоричного спектакля, который, впрочем, окончился весьма успешно для обеих сторон, он хотел опять вернуться на свое законное место – в ее спальню, она поняла, что этого-то уж точно не выдержит, и поэтому просто попросила:

– Игорь... не надо... Потом...

Он сразу же испугался:

– Ты жалеешь? Тебе плохо?... – а глаза были такие, что жалеть было нужно его...

– Да что ты... – она улыбнулась и опять поцеловала его "по-мужски". – Только ты все-таки пойми... Ведь мне тоже нужно немного придти в себя... Да и тебе тоже... Ведь тебе завтра на работу и там никто ни о чем не должен знать...

– Да, да... конечно... ты права... – он заглядывал ей в глаза. – Но ведь мы... поиграем как-нибудь еще?

– Еще как поиграем... – улыбалась она из последних сил...

И теперь ее состояние и описать-то было трудно. Словно она в чем-то испачкалась и это что-то никак не отстает! А ведь вчера, после всего этого, она так яростно скребла себя в ванной жесткой мочалкой для пяток, будто кожу хотела содрать...

...Да, господин Кончаловский, ее роль удалась, как вы и предсказывали, но только почему же слезы текут и текут и подушка уже мокрая насквозь?...

...А тут еще это чудо в перьях.

Опять вышел из своего воздушного пузыря и только теперь уже смотрел на нее и, видимо, ждал, когда проснется.

– Давай, валяй... – сказала она и он опять вздрогнул, хотя и не так как вчера. – Чего там у тебя сегодня?

Он опять помялся, вздохнул и сказал:

– Ну почему вы меня не слушаете? Вызовите кого-нибудь, специалиста по замкам или еще кого! Вам обязательно скажут, что к вашему замку уже давно примериваются. У них уже один оборот получается!

– Если ты будешь выкать, я запущу в тебя не тапком, а этим... хм... грибом, ясно? – она кивнула в сторону статуэтки на тумбочке. – Кстати, тапок отдай, ворюга. Он старый, но дорог мне – мама сама сшила. Если тебе нужно непременно что-нибудь свистнуть, то я вместо него туфли новые, неношенные отдам, от Диора, заработаешь классно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.